

Рассматриваются вопросы, возникающие при изменении статуса малых городов и исторических поселений. Обсуждаются результаты федерального архитектурного конкурса. Предлагаются экономические, градостроительные и социальные пути решения проблем привлекательности малых городов Восточной Сибири. Ставится вопрос о возможностях реализации проектов-победителей и необходимости архитектурного надзора при реализации градостроительных проектов.

Ключевые слова: малые города; исторические поселения; развитие территорий; городская среда; федеральный конкурс; соучаствующее проектирование; Нерчинск; Саянск; Черемхово; проектирование; авторский надзор./

The discussion touches upon the issues related to the change in the status of small towns and historic settlements. The results of the Federal Architectural Competition are discussed. Economic, town-planning and social solutions are proposed to increase the attractiveness of small towns in Eastern Siberia. The discussion explores the possibilities of realization of the winning projects and the necessity of architectural supervision during the realization of town-planning projects.

Keywords: small towns; historic settlements; territorial development; urban environment; federal competition; participatory design; Nerchinsk; Sayansk; Cheremkhovo; design; designer's supervision.

Малые и исторические города Дискуссионный клуб ПБ /

подготовка текста

Марина Ткачева

фото

Евгения Сурикова /

text prepared by

Marina Tkacheva

photos by

Evgeniya Surikova

В июне 2019 года в Доме архитектора состоялось традиционное обсуждение темы номера «Малые и исторические города».

В обсуждении участвовали: архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; архитекторы Сибирской лаборатории урбанистики Полина Заславская, Валентина Казакова, Анастасия Репина; президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров», член-корреспондент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ) Андрей Макаров; член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы» Сергей Маяренков; генпланист ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа», аспирантка ИРНТУ Анастасия Митичкина; генеральный директор ООО «Мастерская архитектуры и дизайна ФОКС» Дмитрий Фальковский; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНТУ Алексей Чертилов; генеральный директор ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа», архитектор Евгения Ямова.

Елена Григорьева Тема малых городов и исторических поселений, безусловно, активизирована федеральным конкурсом, итоги которого были оглашены четыре дня назад в Воронеже вице-премьером Мутко. Сегодня мы пригласили к разговору в дискуссионном клубе ПБ непосредственных участников разработки концепций и, как выяснилось, победителей этого конкурса. Благодаря квалифицированной работе этих команд забайкальский Нерчинск и два малых города Иркутской области – Черемхово и Саянск – получают финансирование для реализации своих концепций.

Насколько важен этот конкурс для малых городов?

Начиная с 2018 г. в течение пяти лет государство ежегодно выделяет 5 миллиардов рублей на проведение конкурса по городской среде малых городов и исторических поселений (о конкурсе см. публикации в пб57). Сумма, которую получают победители, от 50 до 80 млн. руб., является ли она существенной для городского бюджета малого города?

Анастасия Репина Да. Хотя есть и неподъемные объемы. Участвуя в программе «Комфортная городская сре-

да» или в других федеральных программах, мы понимаем, что там финансирование гораздо меньше. Например, если хотят восстановить исторический объект, то для малого города это сумасшедшие суммы; самостоятельно ему не осилить. Есть некоторые федеральные программы, по которым города могут получить больше денег в бюджет, но средства выделяются только для инфраструктуры, это не касается культуры, архитектуры и др.

Сергей Маяренков У малых городов впервые появился шанс хотя бы что-то начать делать с городской средой. Бюджетное законодательство устроено так, что у них не остается ресурсов для изменения своей территории. Муниципалитеты, тем более малые, по логике сегодняшней российской модели остаются совершенно без денег. Если судить по критериям, объявленным в конкурсе (например, одним из критериев было обязательное софинансирование и соучастие местных предпринимателей), эти объекты могут стать как обузой, так и импульсом для развития территории. Многие города проектируют благоустройство, которое впоследствии становится обузой для бюджета. А если его сделать импульсом развития территории, в условиях ограниченности ресурсов, с целью пополнения местного бюджета, то такое решение будет более правильным.

Евгения Ямова Это один из вариантов – посмотреть, какие города еще живы. Программа уже на стадии подачи документов на конкурс дает малым городам возможность «всплыть», показать свою жизнеспособность и заинтересованность в улучшении среды для горожан. Даже если и не выиграют, на уровне Федерации они уже будут замечены. Кроме того, конкурс дает возможность понять ресурсы муниципального администрирования: насколько оно сильное; стоит ли что-то делать в этом городе, какой есть потенциал у населения и территории. На всех этапах работы над конкурсной заявкой есть возможность посмотреть, как муниципалитет взаимодействует с жителями, с бизнесом, готов ли он вообще взять на себя обязательство дальше развивать и поддерживать уже реализованное пространство.

Андрей Макаров Мы сейчас говорим о федеральных деньгах. Но не надо забывать, что участие губернии

**БАЙКАЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО
АРХИТЕКТОРОВ
И
ИНЖЕНЕРОВ**

664025, г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1А
тел. +7 (3952) 203-767
<http://boai-sro.ru>

Small and Historic Towns PB Discussion Club

и губернатора тоже очень важно. Губернатор Левченко, рассматривая проекты благоустройства в Чуне, говорил, что нужно разработать систему поощрения для тех, кто научился хорошо и правильно работать на территориях. Если все это объединить: что-то дает муниципалитет, что-то область, что-то федерация – то получается довольно крупная сумма денег, на которую можно реализовать проекты малых городов. Люди, которые живут в этих городах, независимо от их жизнеспособности, разве не заслуживают, чтобы в них вкладывали деньги!?

ЕГ Являются ли убывающими города, с которыми вы работали? Прогнозируете ли вы как специалисты, что на процесс можно повлиять с помощью этих проектов?

Анастасия Митичкина Город Черемхово действительно является убывающим, имея статус моногорода. Там чуть больше 50 тыс. человек, и постепенно население уезжает, в основном в Иркутск, хотя есть небольшой приток из сельских территорий. Причиной этого процесса является уменьшение объема добычи угля основного градообразующего предприятия. Появление нового благоустройства и новых экономических составляющих вокруг этого благоустройства, мы надеемся, спровоцирует импульс к новому развитию – возможно, это стало бы причиной остаться.

Дмитрий Фальковский Не соглашусь. Этот проект не повлияет на увеличение населения. Потому что очень малы инвестиции, слишком мало количество рабочих мест, чтобы кардинально изменить ситуацию в городе.

ЕГ Тем не менее, большой участок земли в самом центре города приобретает другой облик, связь с центральными общественными пространствами, обретает новые смыслы...

ДФ Определенный комфорт будет создан для тех, кто выбрал это место для постоянного жительства и в принципе не планирует оттуда уезжать; это коренные черемховцы. В данной ситуации они, конечно же, будут за город радевать. Но активная молодежь, которая хочет развиваться, хочет чего-то достигать – уедет. Потому что данная тенденция прослеживается во многих городах, и укрупнение мегаполисов происходит именно

поэтому. Появление реальных, серьезных возможностей для развития на месте можно стимулировать только градообразующим предприятием. В Черемхово сейчас ООО «Востсибуголь» открывает второй разрез; тем не менее, кардинально это на ситуацию не повлияет: внутренняя экономическая политика ООО «Востсибуголь» очень далека от стимулирования населения.

ЕГ А как дела обстоят с другими городами, например, Саянском?

Полина Заславская Мне кажется, данный проект может стимулировать и дать хороший толчок для работы администрации с городом, с инвесторами и с собственниками, благодаря этому запустится какой-то процесс и повлечет за собой дальнейшее развитие. Но я согласна: люди вряд ли здесь останутся. Да, новое качество жизни постоянных жителей привлечет, но в вопросе финансов нужны более крупные шаги. Такой проект хорош только для старта – начала.

ЕГ Он показывает, что у города есть будущее, что он движется куда-то. Интересно, что ваш проект в большей степени, чем другие, ориентируется на школы: подрастающие саянцы смогут ощутить прогресс и движение.

ПЗ Ребенок, участвующий в этом проекте, нарисовавший будущее своего города и наблюдающий за его воплощением, понимает, что от него что-то зависит и что он может на это развитие в будущем повлиять.

ЕГ Вам удалось их втянуть в процесс?

ПЗ Мы в Саянске и в Нерчинске осуществляли соучастующее проектирование, и с их стороны была заинтересованность.

АР Мы работали на разных уровнях: провели работу с детьми, подростками, студентами сельскохозяйственного техникума, которые предположительно там останутся, потому что для них будет работа. Они изначально настроены на воплощение своих идей, поэтому охотно вовлекаются.

ЕГ Именно соучастие в проекте, если он реализуется, может поспособствовать укоренению?

АР Укоренению – да; численность города Нерчинска не колеблется уже несколько лет. Но она сохраняется

не из-за того, что местные не уезжают, а из-за того, что из деревень мигрируют в город. Это районный центр, и за счет погибающих поселений численность не изменяется.

Могу привести пример: зам. мэра хотела уехать вслед за ребенком, поступившим в вуз в Санкт-Петербурге. Но за счет этого конкурса (в том числе), за счет культурной мозаики у семьи появилось такое воодушевление и вера в будущие изменения, что они решили остаться. Сейчас в городе энтузиазм зашкаливает.

СМ Ради справедливости надо сказать, что, делая проект для конкурса, мы выходим далеко за его границы. Потому что проекты могут стать импульсами, только если проектировщики понимают, импульсами чего они становятся. Один парк никогда не оставит человека в городе – это не критерий. Только если ты рисуешь парк как некую программу действий или начало старта большого процесса, который направлен на изменение города. И это не болтовня, а реальный поиск и результаты изменений. Несколько критериев держит людей на местах. Это либо высокая зарплата (и она показывает, что ради нее люди готовы ездить и жить в неудобных условиях), либо качество жизни улучшается. И тогда работникам становится доступно поведение человека мира. Я, конечно, делаю некий переброс на Иркутск, но в каждом городе человек должен чувствовать себя достойно и не ощущать, что он здесь живет по единственной причине – недостатка денег для отъезда из этого города. И когда приезжают в эти города люди, которые живут в Санкт-Петербурге, Москве и еще где-то, я уверен, что местные жители чувствуют себя очень неловко, что они здесь живут. Я часто наблюдаю такое поведение. У местных жителей присутствует оправдательная позиция: они здесь родились, это их земля. У них, видимо, нет оснований сказать: мы здесь живем, потому что наша жизнь не хуже, чем в любом городе России, включая Санкт-Петербург и Москву. Один парк – не коренная причина, чтобы остаться.

АР Не все уезжают из-за отсутствия денег. Есть люди с деньгами, которые не уезжают, потому что у них есть работа.

СМ Я говорю про массы. Конечно, есть люди, которые зарабатывают в этой деревне. Но в массе люди бедные. Надо признать, что в малых городах ниже качество человеческого капитала из-за того, что из деревни уезжают, а в города прибывают. И зарплаты в этих деревнях и малых городах невысокие.

АМ Опасно менять градостроительство на благоустройство, рассуждая при этом о комфортной среде. Исчезновение крупных градостроительных институтов, разрушение системы региональных гражданских проектов, на мой взгляд, – трагедия нашего времени. Сначала все удивлялись, но сегодня привыкли к отсутствию комплексных подходов по развитию городских и межселенных территорий. Трудно представить себе эту комфортную среду на хаотично застроенной, а зачастую затопленной или выгоревшей территории. Необходима аналитика: сначала генплан, проект планировки и только потом решаем, что и как благоустроить.

ЕЯ Конкурсная программа по малым городам – это как раз возможность сделать не как обычно. Хорошо, что есть условие выбрать площадку голосованием. Тогда и муниципалитеты, и горожане, и проектировщики более осознанно подходят к выбору места. Если говорить конкретно про Черемхово, то в этом случае мы проанализировали территории, представленные на голосование, и показали, что площадка вокруг озера подходит для проектирования по многим параметрам. И жители выбрали именно ее. Эта территория собрала в себе историческую память, несколько сценариев пребывания горожан, их досуг, активный и тихий отдых, образовательную и коммерческую функции круглогодично. Мы смогли вписать туда и спорт, и праздники, и торговлю – почти все то, что предложили жители, бизнес, комитеты муниципалитета. Другие территории не смогли бы ответить на этот запрос, и понадобилось бы больше ресурсов на реализацию.

А если мы говорим про программу «Комфортная городская среда», то это действительно рассыпанный «горох» площадок по городу – или латание дыр, или не сконцентрированные финансовые усилия, которые больше напоминают ремонт. Проекты делают по техзаданию

соучастного проектирования и муниципалитета, а в результате смета не соответствует финансовым возможностям реализации.

АМ Сейчас создается центр компетенции, и мы пишем губернатору. Вы сделали проекты трех городов, выиграли и получили федеральные транши – это нужно каким-то образом отметить в нашей областной администрации, вас должны похвалить за проделанную работу. Ваш подход должен стать образцом для дальнейших событий.

ЕГ Мы привычны к тому, что на федеральном уровне получаем первые места, и никто в Иркутске нас не гладит по головке – ничего страшного, не для этого работаем...

СМ Что в действительности дает этот проект? Какие он раскрывает возможности для территории? Мне кажется, что даже в самой подаче заявки в формате конкурса довольно грамотно представлены критерии, по которым оценивается конкурс. Для устроителей это следующий шаг, понимание того, как работает территория – это повышение квалификации всей администрации. Планка поднимается гораздо выше.

ЕГ Есть другая сторона: повышение компетентности местной администрации в этом вопросе. В идеале это касается не только мэров, но и всех участников процесса.

СМ При этом работа с хорошей командой их воодушевляет. Это стало интересным элементом.

ЕГ Побочный эффект – наконец-то на урбанистическую деятельность обратили внимание чиновники. Мы многие годы сетовали на то, что в советские времена худо-бедно чиновники слушали лекции по градостроительству; их заставляли повышать квалификацию в этой области. В постсоветские времена посты часто занимали люди, совершенно некомпетентные. Безусловно, позитивно то, что отмечается этот дополнительный эффект.

В конкурсе было пять номинаций; первая из них, самая многочисленная по лауреатам – исторические города (кроме региональных центров). 20 городов должны были стать победителями, но получилось меньше: заявок всего было 20, и несколько городов выпало по некомплектности и другим причинам. Как вы думаете, с чем связана такая пассивность исторических городов (не только

федерального, но и регионального подчинения)? Мы знаем, что этот конкурс является стимулом к получению статуса «исторического города» хотя бы на региональном уровне. Идет ли этот процесс? Если нет, то почему? Что останавливает? Бюрократия? Нет градостроительной документации, которую нужно сделать, чтобы стать историческим? Нет денег на то, чтобы делать эту градостроительную документацию?

Алексей Чертилов Тут был назван Нерчинск. Статуса «исторического» у него сейчас нет по нескольким причинам. Первая причина такая же, как и с памятниками архитектуры – по факту сегодняшнего дня это обуза для властей, собственников, жильцов: деньги еще могут и не дать, а проблем будет достаточно. А бомба негативного отношения к наследию заложена в законодательстве, и не только в сфере охраны наследия. Требования к собственникам памятников есть, а компенсаций, реальной помощи от властей, как в других странах, нет. Это выработало у россиян постсоветский менталитет, став человеческим фактором.

ЕГ Памятники архитектуры и так, без статуса города, надо охранять. Почему обуза? В чем конкретно заключается проблема?

АЧ Хочу провести аналогию с памятниками архитектуры: очень плохо и очень накладно быть в списке памятников. Сразу появляются серьезные правила, которые, как считают власти – да и градостроители тоже – сразу тянут за собой торможение в развитии.

ЕГ Но города эти и так не развиваются.

АЧ Это чисто российская проблема, потому что во всем мире наоборот: любой исторический город очень интересен, у него и доход другой, и программы особые; они получают разные гранты. У нас этой системы, как таковой, не существует. У нас до сих пор не решен вопрос о компенсации за реставрацию памятника, за проживание в памятнике – это все отталкивает людей от истории и от старой архитектуры. Второе. Только начинает развиваться соучастующее проектирование, привлечение населения в проекты; во всем мире это уже развито. Если горожане сами принимают решения, не просто обсуждая

чь-то – это 50% успеха. Тогда будет толк, тогда города будут по-другому жить. А сегодня, так как нет приложения труда...

СМ Охранное сообщество до того заохраняло и регулировало исторические города, что они сами стали губителями этих памятников. Объясню почему. Сейчас мир ускоряется, а в этих местах ты не можешь имплантировать новое. А если новое не образуется и новые функции не зарождаются, то город вымирает. Потом останутся только одни документы и руины – это предел действий охранного сообщества. Должна быть новая деятельность, которая все окупает, и тогда город будет в хорошем состоянии, а не потому, что там нормы и регламент. Должен быть баланс нового и старого в развитии исторических территорий. Одно время в новосибирском Академгородке для того, чтобы получать больше денег, задали некую историческую зону. Теперь в борьбе за сохранение исторических ценностей законсервировали этот городок вместо того, чтобы правильно регулировать его обновление. Теперь развитие Академгородка приостановилось, а ведь это инновационный центр: там ничего не строится, стройка начинает пузырями вспухать вокруг Академгородка. Он и так спланирован неплотно, не соответствует современной концепции. Если мы не научимся это понимать, то с существующими историческими регламентами мы все разрушим.

ЕГ В пределах исторического поселения развитие не запрещается.

СМ Некоторые объекты ты не можешь вставить, потому что у тебя нет новых зон на строительство.

ЕГ На это жалуется город Томск. Там этот вопрос дошел до уровня президента РФ.

СМ Вот последние новости. Томскому университету сказали, что они не смогут реализовать концепцию модернизации и развития кампуса, университету выделяют территорию за пределами Томска. Это уничтожение городов.

ЕГ Чем закончилась история с границами исторического поселения? Президент распорядился разобраться с этим вопросом до мая.

АЧ Война в суде до сих пор идет. Одна команда заняла сторону уменьшения требований, а вторая – консерваторы – голосует за обновленный проект охраны исторического города.

СМ Причина в этих «охранниках»: они хотят все так жестко зарегулировать, что бизнес не может помочь городу развиваться. И две эти стороны друг друга ненавидят: одни зажимают все инициативы к изменению, а другие хотят все заменить.

АЧ Мы действительно не умеем рационально управлять историческим наследием, потому что для нас сама ситуация новая. Запад занимался этим давно, и у них нет, как у нас, обособленных от муниципалитетов зон охран: у них все охранные требования федеральных и региональных властей включены в градостроительный регламент. Так надо сделать и в России, по-моему, это единственный выход. Сшивать зоны охраны и градостроительные регламенты надо было еще в 90-е гг. К примеру, сегодня субъект федерации – Иркутская область – по закону утверждает для муниципалитета – города Иркутска – зоны охраны. Какому мэру, городской думе это понравится?

ЕГ На президиуме областного градостроительного совета, когда служба охраны наследия душила концепцию превращения учительской семинарии Князе-Владимирской церкви в классический лицей, мы приводили пример из Санкт-Петербурга. Нашей концепцией предусматривалось, оставив фасады историческими, внутри произвести преобразования для благополучного осуществления учебной функции на современном уровне. Пример реконструкции здания Главного штаба на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге – федерального памятника – под музейную функцию нашу службу охраны наследия не убедил. В Иркутске здание 7 лет стоит в руинах, и все ждут, когда оно погибнет вместо того, чтобы ухватиться за желание конкретного энтузиаста и восстановить комплекс, оставив предметом охраны фасады. Санкт-Петербург – исторический город. Почему он развивается, включая исторический центр? Почему там, опираясь на российские законы, получается, а в Иркутске или том же Томске – нет?

АЧ Пока в этом вопросе не будет согласованного властного единого решения, ни к какому сбалансированному итогу это не приведет. Федералы принимают решения по поводу регионалов, регионалы и федералы – по муниципальным образованиям, не спрашивая их. И эти жесткие требования образуют трещины в отношениях властей разного уровня. В Санкт-Петербурге такого нет – это субъект федерации, который сам себе себя и под себя принимает и закон, и градостроительный регламент. Москва такая же. Там нашего конфликта нет изначально.

ЕГ Наследие гибнет, территории теряют темпы развития из-за отсутствия взаимодействия разных уровней власти?

АЧ Это надо устранять на федеральном законодательном уровне; пока такой необходимости в Москве не поймут – конфликты будут продолжаться.

СМ Проблема Томска – пример того, что будет с городом, если его законсервировать. Люди, которые не подадут на конкурс заявки, будут жить в этом законсервированном городе.

АЧ В Иркутске год назад обсуждался важный вопрос: включение деревянной застройки и части исторического центра в список ЮНЕСКО. Вопрос обсуждается уже в течение 25-ти лет. ЮНЕСКО ужесточило требования, так что, если мы вступим в это всемирное общество – город «вымрет». Я в Москве этот вопрос выяснял, и все эксперты в один голос говорили, что если включимся в этот список, то все согласования необходимо будет проводить через ЮНЕСКО, а это значит, что вопрос повиснет на долгое время из-за жестких требований. Если хоть одна иркутская «деревяшка» попадет в список ЮНЕСКО, то ни один житель там не сможет ничего отремонтировать, живя в этом памятнике. Это факт; тем более, что мы не умеем работать с бумагами по-честному, по закону; мы всегда выискиваем лазейки, как их обойти. Дрезден же исключили из списка Всемирного наследия, потому что они построили необходимый им мост. Он, по их мнению, не мешал, наоборот, даже вписался в общую планировочную, композиционную историческую ситуацию.

ЕЯ Решение об участии в конкурсе остается за мэром исторического поселения. По сути, историческое наследие – не его вотчина. Для большинства это обременение. Мэр понимает, что на законодательство по наследию он влияния не имеет, только на управление. И как привлечь инвесторов для муниципально-частного партнерства, ведь инвестирование в объекты наследия обходится дороже, в таких городах практики, по сути дела, нет. Поэтому, во-первых, спроектировать и реализовать такие территории гораздо сложнее и дольше. А во-вторых – действительно, возникает конфликт непонимания: как с наследием можно работать с извлечением прибыли. 130-й квартал, «Иркутские кварталы» и Агентство развития памятников Иркутска не скопируешь. Это настройка на месте, которая занимает время, нужны люди, системно с такими объектами работающие. По этому пути сейчас идет Волоколамск, например.

АМ Вот пример Енисейска: один губернатор не обращал на него внимания, второй обратил. В Иркутске просто слабая власть.

АЧ Губернатор Мезенцев появился – появился 130-й квартал. Все города рождались только на экономической основе, а не на культуре, и они развивались. Новые советские города тоже создавались только на экономической базе. Если была идея создания предприятия, то рядом рождались жилые массивы, где появлялись, соответственно, социальная и культурная сферы; умирает предприятие – умирает город. Сегодня для того, чтобы двигаться, российскому правительству необходимо развивать производства – главные места приложения труда. Насильно или не насильно, но на законодательном уровне это провоцировать. Надо сохранить Нерчинск – значит, необходимо придумать некий экономический стимул, толчок.

СМ Такие методы, о которых сказал Андрей Юрьевич, сейчас не работают: смотреть на СТП, на производство, назначить им функцию – это все логика советской модели, отголоски советского прошлого. Теперь работают другие механизмы. Прежняя градостроительная политика не действует.

АМ Чтобы сделать СТП, нужно делать аналитику.

СМ Сейчас нет такого масштаба организаций, которые способны через аналитику узнать, где может возникнуть новый бизнес. Они продолжают множить старые сущности, расставляя старую сырьевую экономику по стране. Ничего нового в СТП я не увидел.

АМ Если такие структуры не появятся, страны не будет.

ЕГ Функция государства – сохранять свою территориальную целостность. Государство должно быть этим озабочено. Если государство хочет удержать большую территорию, оно должно препятствовать процессу оттока населения из городов, основанных героическими усилиями наших предков – первопроходцев XVII–XVIII веков, сильных государственных деятелей, осуществивших заселение этой территории. Здесь должна присутствовать государственная политика и разумная система расселения и, прошу прощения у новых урбанистов за советский термин, – размещение производительных сил.

СМ Новая деятельность не появляется по приказу. Можно на всю страну «размазать» промышленность и города создавать. Сейчас все это рухнуло.

АМ Никто не говорит, что это было правильно.

ДФ О какой форме контроля идет речь?

АМ Государство утратило контроль над развитием территорий. Что, на мой взгляд, нужно контролировать. Первое – размещение производительных сил. Второе – контроль над объемом производства (планирование государства в какой-то степени).

ДФ Каким образом государство может управлять частным объектом, если доказано, что ни одна госкорпорация по эффективности не сравнится с частной? Если мы говорим о производстве и об экономике, то я приведу в пример Сингапур, его структуру экономики и его территориальное размещение – и российскую экономику и территорию. Чем они отличаются? Сингапuru на малом клочке земли ничего не мешает создавать солидный ВВП. А Россия, исторически обладая огромной территорией, финансово не способна грамотно ее освоить. Это проведено давным-давно. Продать – не продать – это патристическое разговоры, которые задевают каждого. Теми путями, которыми сейчас идет государство, оно эффективно развивать свои города не сможет – не хватит средств. В любом городе, в котором собирается определенное количество людей, формируется рынок. Чем больше будет производиться в нем товаров и услуг, тем он будет больше, и возможностей будет больше. Конкурс и его возможности – капля в море для развития города. Например, Черемхово, который пытается из малых средств своей экономики заниматься благоустройством. Сейчас у них появилась возможность зайти в федеральный бюджет, они это сделают по проекту. Но второй возможности в ближайшие три года у них не появится. Они могут рассчитывать только на внутренние ресурсы и внутренний рынок производства, в том числе и благоустройство. Какой прирост с этих денег даст благоустройство? Чтобы они потом могли потом через налоги направить средства на возведение парка, школы, промышленных объектов – социальных либо частных.

ЕГ А ваш проект, который формирует рабочие места, не превращает ли он свою территорию в самоокупаемую и саморазвивающуюся?

ДФ Да, он позволяет ее эксплуатировать, не сидя «на плечах» у бюджета.

АЧ То, что вы говорите, совершенно правильно. Почему эта инициатива не поддерживается государством, не превращается законодательно в государственную программу, чтобы распространять ее на малые города? Почему брошены эти города без государственной поддержки на самообеспечение и на самовывживание? Советская система, сколько ее не ругай, работала, позволяла жителям в городах жить достойно. Царская система также регулировала и планировала. Рынок всегда и везде регулировался и регулируется государством, по-разному, но регулируется, по-другому быть не может. Почему сегодня в России это невозможно?

ДФ Для того, чтобы происходили какие-либо изменения, должны быть люди – профессионалы в своей области. Тогда этап изменения будет понятен и прозрачен.

ЕГ Вернемся к нашим реальным проектам. Какой опыт вы приобрели, участвуя в этом проекте? Что для себя почерпнули? Настя, ты до этого имела опыт соучаствующего проектирования в Иркутске; была ли интересна работа с Нерчинском тебе как профессионалу? Чему ты там научилась или просто применила свои знания и убедилась еще раз в своей компетентности?

АР Был опыт работы с командой, и что очень важно – с администрацией, когда проект плотно на них завязан. Если у них внутри есть согласованность, то они понимают важность взаимодействия и помогают. Это был очень приятный опыт, в отличие от другого города: там работа шла тяжелее.

Валентина Казакова В нашем случае в администрации не было команды, которая работала бы согласованно. Поэтому нам приходилось больше работать и за себя, и за администрацию.

ПЗ Если посмотреть по затраченному времени, то мы увидим, что Нерчинск сделан за месяц, а работа с Саянском растянулась на 2–3 месяца.

АР Это был опыт работы с разными командами. Во-первых, с сообществом предпринимателей. Обычно мы работаем с одним заинтересованным лицом (инвестором), а здесь необходимо было выстроить взаимосвязь со всем городом; это более широкое соучастие. Во-вторых, нужно было постараться убедить, в чем выгода этого проекта для всех и почему важно включиться на стадии разработки проекта.

АЧ У меня есть небольшая аналогия. Когда американцы в новой России в 90-е гг. насаждали свои проекты, они применили свою трехступенчатую модель; во всем мире она у них была одна. Первое: обучали людей новым технологиям. Второе: обучали российскую муниципальную и губернскую власть – у себя дома! – новым понятиям, и продельвали это с чиновниками постоянно при смене власти. Поэтому власти это подхватывали, поддерживали и как-то двигали. Вы сегодня отработали свои проекты – и там никого не осталось, и никто на местах чиновников, специалистов – двигателей новых идей не обучал новым технологиям; поэтому это обречено на забвение.

АР Важно еще, что была федеральная поддержка; было много обучающих семинаров, мы все пересматривали по несколько раз – это помогало смотреть на проект с новой точки зрения.

ЕЯ Мы с командой ООО «ФОКС» пошли по пути разделения функций. Наши команды работали вместе впервые благодаря Марку Григорьевичу Мееровичу. Он видел у нашего Агентства развития территорий «Градостроительная школа» одну сильную сторону; у компании «ФОКС» – другую. Мы отвечали за схему благоустройства, общую концепцию, дизайн-проект. ФОКС отвечала за экономику и архитектуру. При таком разделении обязанностей проработка каждого сегмента происходит более углубленно. Если идти по пути такой специализации, проект можно делать быстрее и качественнее. Одна компания редко может собрать специалистов разных областей, особенно если это небольшие города и работают там с локальными командами. На примере общения с коллегами со всей России, благодаря образовательной программе «Архитекторы. рф» сформировано понимание, как работают специалисты со своими проектами, какие ситуации складываются как со стороны проектировщиков, так и со стороны администрации конкурсных городов.

Вопрос в том, что сама федеральная конкурсная комиссия должна понимать, какие требования она предъявляет не только к проекту, но и к проектной команде. Список исполнителей, наверное, как-то влиял на принятие решения?

ЕГ Я так не думаю. Экспертов интересует качество концепции, идет оценка по критериям. А сделал ли работу один человек или команда с разделением функций – несущественно; важен результат. Расскажите о вашем опыте работы с администрацией.

ЕЯ В малых городах мэр – очень влиятельная фигура, и возможно, отток или приток населения в городе зависит от того, доверяет ему население или не доверяет. По нашему анализу в проекте города Черемхово у мэра очень высокий статус доверия. И благодаря этому чиновники, горожане и предприниматели активно участвовали в процессе, верили в успех конкурса и ждут реализации. И если в таких городах меняется руководство города, непонятно, что будет с городом и населением?

ЕГ Вы не прогнозируете преемственность?

ЕЯ А у нас в стране есть такая ситуация?

ЕГ А за рубежом?

ЕЯ В отношении положительного опыта там другая ситуация, там работает отлаженная система. Администрация и чиновники – это сервис для жителя. Если они сориентированы на стратегию развития, согласованную предварительно со всеми участниками процесса, они по этому пути и идут. Опыт работы там большой именно в следовании пути развития, в умении договариваться и следовать закону.

ДФ Для нас была отличная возможность поучаствовать в этом проекте. До этого момента мы были связаны в основном с объемными проектами: архитектура, реконструкция. Наша основная специфика – это коммерция, и здесь мы смогли ее рассмотреть в масштабах макроэкономики – макроргорода. Проект рассматривался как финансовый, который имеет плюсы и минусы; этот финансовый рейтинг был представлен на всех уровнях администрации. Мы получали поддержку, выстраивали отношения со всеми предпринимателями города через совет предпринимательства города. Обосновывали и убеждали, почему они получают определенные преимущества от участия в этом проекте; почему этот проект нужен городу. Возникал вопрос архитектуры: в проекте был существующий объект-«гвоздь», частный замок, который необходимо было интегрировать и запустить; это зависело от успешной реализации проекта на территории. Все эти связи и возможности, обоснование участия лиц очень нам помогали. Процесс участия был хорош, интересен, результативен.

ЕГ К вопросу о возможности существования этой территории без дотации из города в дальнейшем. Возможно ли выйти не только на самодостаточную, но и на развивающуюся систему? Возможен ли на территории запуск саморазвития?

ДФ Может, но будет развиваться эволюционно, не революционно. То, что мы сейчас предложили в проекте – это революция. Та генерируемая прибыль и те возможности, которые город получит, при грамотном ее использовании, возможность дальнейшей эволюции... Она будет в определенной части работать. Но черемховский рынок очень мал, поэтому ожидать резких скачков не придется. Что касается преемственности – это действительно краеугольный камень. Если вдруг в 2020 г. сменится власть – неизвестно, что там будет происходить. Если останется – то есть надежда, что тенденция, которую они запустили, начнет активно развиваться дальше.

СМ Попробовать запустить из данных проектов то, что вы хотите, очень сложно. Никто сейчас не собирается платить – они думают, что все само собой сложится. В 90-е годы сказали, что «невидимая рука рынка» все регулирует, и мы на примере китайского рынка «Шанхайка» увидели, как она дорегулировалась. Сейчас много других инструментов, которые замещают ту политику, которую по функции выполняло в СССР градостроительное планирование; они по принципу очень похожи, но у нас все обрезали. Сейчас необходимо применять другие инструменты, но мы еще не созрели и не готовы за это платить – поэтому нет профессионалов, не идет молодежь в профессию. Мы строим в Иркутске на одном пятчке два ледовых стадиона и две библиотеки, уничтожая землю для развития научно-образовательного кластера. Но до сих пор думаем, что градостроители не нужны. Не градостроители как создатели планировочных документов, а градостроители – как строители деятельности, на которой держатся города.

ЕГ Вы, Сергей Юрьевич, как никто другой, знаете популярность иркутской деятельности в стране. 130-й квартал, самокупаемый сейчас, запустил несколько

векторов: «Иркутские кварталы», АРПИ, проект Разумова, спортпарк «Поляна».

СМ Одной из волн дополнительно стало появление студенческого квартала на Верхней набережной (набережная «Ривьера»).

ЕГ И это несмотря на то, что таких далеко идущих планов не было, потому что при работе над кварталом 130 мы понимали: политическая воля двигает этот проект. Тем не менее, механизмы саморазвития запустились.

СМ И в других городах появились попытки сделать что-то подобное. Это знаковый проект.

ЕГ Итак, энергия локального проекта может запустить какое-то развитие.

СМ Может, но мы не сможем это прогнозировать.

АМ Когда делали генплан города Иркутска 1996–2006 гг., «Иркутскгражданпроект» не был государственным учреждением. В том регламенте не было на площадке Академгородка объектов, которые сейчас появились. Не исчезали парки и скверы. Этот генплан выполняли квалифицированные специалисты. Потеря квалификации... У нас сегодня занимаются этим неспециалисты. Если ты и твоя команда готовы, я предлагаю уйти от благоустройства и концепций и перейти к реальным регламентам.

СМ Дело не в этом. Эта функция сейчас не востребована. Я считаю, что такие градостроительные ошибки оказывают огромное влияние на производительность труда города, возможность развиваться или не развиваться в этом городе, синергию располагающихся предприятий, когда одна функция противоречит другой. Это огромные механизмы, и если их неправильно складывать, то весь город и все жители работают с препятствиями и с их преодолением, что ломает всю структуру города. И из-за того, что этот модуль был потерян, мы пока не умеем просчитывать влияние градостроительных ошибок на экономику города.

ЕЯ Спроектировать не проблема, проблема реализовать проект в соответствии с тем качеством, которое должно быть, к которому стремимся. Как влиять на это? На качество проекта влияет конкурсная комиссия. Кто повлияет на качество реализации?

ЕГ Те же архитекторы, которые создали концепцию, должны выполнять рабочую документацию и вести авторский надзор. Каждый шаг влево-вправо от одобренной на федеральном уровне линии должен обсуждаться и согласовываться с авторами-архитекторами.

Такой порядок не просто соблудности. Некоторым силам выгодно в мутной воде ловить рыбу, особенно когда исчезает авторский надзор. В этом заинтересованы совершенно конкретные силы, имеющие мощное лобби в законодательных органах: я имею в виду подрядчиков, строителей. Архитектор убран из процесса приемки объекта в эксплуатацию – как отдельного здания, так, тем более, объекта благоустройства – площади, улицы...

АМ В некоторых регионах есть отдельные законы.

ЕГ Это вселяет надежду. Создавая в своем регионе и городе местные законы и подзаконные акты, мы сможем навести порядок. И будем приводить наши гениальные проекты к не менее блестящей реализации. Пока так не получается. Предстоит трудный путь.

Участников команд я хочу поздравить с удачными проектами, с тем, что эксперты комиссии поняли и высоко оценили их. И желаю трем нашим организациям, участвовавшим в конкурсе, продолжать деятельность на благо малых городов Иркутской области, Сибири, России.